

МАКРОСТРАТЕГИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ⁸

Васюков Владимир Леонидович

Институт философии РАН, Москва

Наблюдающийся в последнее время кризис идей мультикультурализма приводит к необходимости нового взгляда на специфику кросс-культурного диалога и ключевые моменты межкультурной коммуникации. Мультикультурализм, понимаемый, с одной стороны, как «многокультурность», в конечном счете оказался направленным против культуры как общенационального явления, приводя к ее фрагментируемости. С другой стороны, понимаемый как «культурное разнообразие», как проповедующий этнические, расовые и субкультурные предпочтения в экономической, политической и культурной сферах общественной жизни, вместо искоренения дискриминации и достижения «равенства» различного рода меньшинств с национальным большинством привел к разрушению диалога культур как процесса взаимодействия, взаимовлияния разных исторических культур и установления определенных форм их сосуществования.

Если рассматривать провал мультикультуралистской программы как следствие неразработанности теоретических вопросов кросс-культурного диалога, то в первую очередь следует уделить внимание его целям и направленности, поскольку сам по себе диалог не самоцелен, он не может быть целью, но лишь средством выполнения некоторой программы по решению определенной проблемы.

Описывая понятие диалога культур, В. С. Степин пишет: «Взаимодействие культур... имеет разную направленность. В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие лучших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Диалог культур в этом случае обретает своего рода сверхзадачу – отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов» [4, с. 264].

Взаимодействие культур в первом случае, по сути дела, имеет характер глобализации, ведущей к углублению и уплотнению в масштабах всей планеты многообразных общественных связей, достижению нового, более высокого уровня интегрированности, целостности и взаимозависимости в экономике, коммуникациях, финансах, политике, культуре и др. областях общественной жизни. Однако, как показывает анализ этого явления, помимо того, что

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

глобализация часто вызывает неприятие и противодействие тех, кто отстаивает национальную специфичность культуры и экономики отдельных страны – здесь возникает еще и опасность подмены понятий в том случае, когда глобализация расценивается как универсальная тенденция, детерминирующая особенности кросс-культурного диалога, как некий принцип, по которому все оценивается, как высшая инстанция.

М. М. Бахтин в свое время писал, что никакая из сторон диалога никогда не может отдать всего себя и свою выражаемую позицию на полную и окончательную волю кому-либо близкому и всегда предполагает присутствие какой-то высшей инстанции ответного понимания. В разные времена и при разном миропонимании этот «наадресат» выглядит по-разному, принимает разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.). Бахтин отмечает, что «каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)... Указанный третий вовсе не является чем-то мистическим или метафизическим (хотя при определенном миропонимании и может получить подобное выражение) – это конститутивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен. Это вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)» [1, с. 323].

В диалоге культур глобализация не может принять на себя роль высшей инстанции, потому что никоим образом не предполагает какого-либо ответного понимания, о котором говорит Бахтин. Не случайно глобализация часто вызывает неприятие и противодействие тех, кто отстаивает самобытность своей культуры, не без оснований предполагая её разрушение в процессе глобализации. Многие исследователи в этой связи противопоставляют понятия «глобализация» и «глобализм», связывая последний с тенденцией к унификации культурных предпочтений человечества и навязывая всему миру одну-единственную культуру. Начиная с эпохи Возрождения, культурная глобализация прошла через «французское», «английское» и «американское» влияния с расширяющимся географическим ареалом. В связи с последним этапом культурной глобализации, который часто рассматривается просто как американизация, некоторые исследователи, такие как, например, У. Бек вообще предлагают узкую трактовку глобализма как целенаправленной и планомерной деятельности в сфере хозяйства, политики и культуры, которая связана со стремлением США к мировому господству [2].

Более привлекательной альтернативой глобализации выступает *универсализм* – универсальное мировоззрение, религия или философия. Универсализм здесь выражает, с одной стороны, стремление к установлению монистической, единой, синтетической мировоззренческой установки, а с другой стороны, он предполагает и некий теоретический универсальный

«кодекс» (методологию) поведения сторон в условиях многообразия жизненных ситуаций. Современное движение универсализма, по мнению его приверженцев, призвано привести к выявлению и расширению такой общей платформы, которая позволяет выйти за рамки диалога и приблизиться к осуществлению устойчивых постоянных связей, к признанию совместной реализации общих ценностей [3, с. 18]. Однако не все разновидности универсализма кажутся приемлемыми: универсализм как универсальная цивилизация подразумевает кристаллизацию в результате действия глобализации мегацивилизационных, интегрирующих тенденций, что явно ведет к неспособности «ответного понимания», о котором было сказано выше.

Практическая возможность реализации универсализма основывается на идее толерантности [3, с. 19–20]. Кажущаяся парадоксальность здесь заключается в том, что реализация универсальной монистической позиции, претендующей на уникальность, оказывается возможной лишь с помощью плюралистической толерантности, подразумевающей разнообразие мнений. Но на самом деле способность терпеть «нетерпимое», свойственна лишь тем, кто обладает добродетелью толерантности, когда неважно, испытывает ли он при этом чувство отстраненности, безразличия, стоического прития, любопытства или восторженности.

Поскольку человек, в качестве кантовской последней цели природы, согласно проведенному в работе [3] анализу, представляет собой не принцип, не мета-принцип, но скорее мета-мета-принцип, то для его реализации требуются гораздо более конкретные принципы. При этом задача заключается не просто в выборе этих принципов, но в совместной деятельности по их реализации, сознаем ли мы это, или нет, согласны ли мы с этим, или нет. Толерантность, подразумевающая существование плюрализма мнений, не запрещает взаимодействия по выработке общих совместных принципов. Весь вопрос заключается в стратегии этого взаимодействия.

И здесь возникают следующие варианты стратегий. Во-первых, мы можем попытаться объединить различные мнения. Мнения всегда подразумевают некоторый механизм получения следствий, а в случае объединения мнений следует объединять и эти механизмы. Тогда возможный результат объединения мнений предполагает терпимость к получению результатов из разных мнений несвойственным им путем. Ваша толерантность в этом случае является залогом успешного взаимодействия. Конечно, профан может попытаться сделать приземленные выводы на основе ваших высоких принципов, но не стоит с порога отбрасывать это практическое применение ваших чисто теоретических воззрений. Может оказаться и так, что сделанные вашим антагонистом выводы, будут для вас неожиданными и вам трудно будет поверить, что ваши воззрения и принципы могут быть так восприняты в чужом контексте смыслов, но и в этом случае эти выводы ни в коем случае не стоит отвергать с порога, не проверив их справедливость с позиции мнения другого. Во всяком случае, весь дальнейший диалог стоит вести с учетом подобных результатов и на основе видения каждым из партнеров позиции другого.

Во-вторых, можно действовать параллельно, фиксируя и перепроверяя некоторый консенсус взглядов и смыслов на каждом этапе получения следствий из них. При этом каждая из сторон действует своим способом, не вступая в критическую дискуссию. Толерантность здесь требует определенного безразличия к способам вывода другого. Результат подобного процесса будет «параллелен» в том смысле, что вы приходите одновременно к разным выводам, они имеют разный смысл, но они не критичны друг к другу. Нечто подобное происходит при попытке рассказа слепому о живописной картине, развертывающейся перед вашими глазами, или глухому о музыкальном произведении, которое вы слушаете. Вас не должно смущать расхождение во мнениях на каждом этапе рассказа, для вас обеих ценность будет иметь только конечный результат.

В-третьих, можно заняться переводом своих взглядов на «язык» другого, перепроверяя понимание ваших взглядов этим другим, и отказываясь от ваших выводов, если другой подвергает критике ваш «перевод». Следствие вашего принципа будет справедливым, если другой будет согласен с вашим выводом при любой его интерпретации. Вы должны быть толерантны к этим различным интерпретациям, доверяя тем смыслам, которыми другой наделяет ваши утверждения. Так, вы уверены, что из дерева можно делать красивые украшения. Скульпторы с вами согласны, однако ювелиры нет. Во втором случае к консенсусу вам не прийти. Следовательно, вам стоит пересмотреть и расширить свою концепцию красоты украшений таким образом, чтобы она была понятной и скульпторам, и ювелирам. Возможно, стоит вести речь только об украшениях для детей и несовершеннолетней молодежи, когда накладывается ограничение на стоимость этих вещей.

Наконец, можно добиваться взаимной интерпретируемости ваших взглядов и взглядов другого. В этом случае вы должны быть не только толерантны к интерпретации другим вашего исходного принципа, но и приветствовать эту интерпретацию, подтверждая своей интерпретацией результат вывода другого. Это одобрение должно сказываться в том, что вы принимаете результат интерпретации ваших взглядов другим в качестве следствия своих воззрений, не подвергая эту интерпретацию критике и не отказываясь от нее. По сути дела, вы в этом случае доверяете другому формированию ваших рассуждений, осваивая и одобряя его способы действия.

Возвращаясь к описанию диалога культур, данному В. С. Стёпиным, заметим, что поиск ценностей во втором случае кросс-культурного диалога сопряжен как раз с установлением тех общих культурных универсалий, на основе которых и будет происходить поиск ценностей. Ведь именно смыслы культурных универсалий определяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов деятельности, характерных для определенного типа культуры.

Очевидно, что поиск общих культурных универсалий для сторон диалога не представляет собой механический процесс, он не сводится лишь к отбору разделяемых обеими сторонами диалога понятий. Для этого часто требуется

анализ этнических предубеждений в языке средств массовой информации, способа приобретения социальных знаний, формирования мнений и установок, выяснения идеологически пристрастных точек зрения и т. д.

В подобной ситуации на помощь приходит стратегический подход, заключающийся в отборе универсалий наиболее значимых в контексте диалога и для данных коммуникантов. Под стратегией здесь понимается общая инструкция интерпретации для каждой конкретной коммуникативной ситуации, позволяющая соотнести контексты диалога с определенными наборами культурных универсалий, как общими для коммуникантов, так и свойственным только каждому из них.

Обратим внимание, что Стёпин в вышеприведенной цитате указывает, что во втором случае взаимодействия культур в процессе кросс-культурного диалога «на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям». Но подобное равноправие и уважение достижимо как раз только на основе толерантности, подразумевающей существование плюрализма культур, и одновременно не запрещающей взаимодействие по выработке уникальных общих совместных принципов, способных заложить основу для кросс-культурного диалога. Более того, сам по себе плюрализм культур не является гарантией диалога культур, он всего лишь выражает констатацию наличия множества мнений и мировоззрений, ничего не говоря о том, как они между собой соотносятся. Требуется определенный кодекс (методология) поведения сторон в условиях многообразия жизненных ситуаций и мировоззренческих позиций. Как мы видели, подобный кодекс имплицитно описывается стратегиями толерантности. По-видимому, эти стратегии способны послужить образцами и в случае кросс-культурного диалога.

Итак, исходя из вышеизложенного, каковы же будут стратегии формирования набора универсалий? Простейший случай заключается в объединении культурных универсалий во всеобщую совокупность, позволяющую использовать их комбинации, релевантные для данного контекста. Опасность в этом случае заключается в возможности одновременного применения взаимно противоречащих понятий, что приводит к абсурду и логической некорректности выводов. Выходом могло бы быть обязательное использование неклассической аргументации в дальнейшем контексте (например, паранепротиворечивой, в которой допускается одновременное принятие двух взаимно противоречащих положений, поскольку применяемые правила рассуждений не приводят к произвольности следствий – во всяком случае не всегда).

Характерным примером является, например, наблюдение этнографами верований африканского племени *азанда*. В этом племени верят в то, что ведьмы и колдуны могут быть обнаружены по наличию «колдовской субстанции», которая передается по наследству детям соответственно полу колдуна или ведьмы, и так как клан азанда – это группа лиц, биологически объединенных по мужской линии, то открытие того, что некоторый мужчина –

колдун, ведет к выводу, будто колдунами являются все члены его клана. Хотя по верованиям *азанда* одни из кланов более близки к колдовской силе, нежели другие, они все-таки не считают всех членов первых кланов колдунами. Отсюда появляется несообразность в применении приведенного вывода: *азанда* понимают смысл этого аргумента, но не принимают его следствий, а в таком случае здесь возникает противоречие в общем понятии колдовской силы. Значит ли это, что наш диалог с *азанда* невозможен, раз они придерживаются противоречивых верований? Для *азанда* здесь нет противоречия, хотя они его видят, но и мы способны теоретически видеть противоречие иначе, в рамках паранепротиворечивой логики, поэтому объединению наших культурных универсалий не грозит опасность абсурда (см. [1]).

Второй вариант стратегии кросс-культурного диалога предполагает «параллельное» использование культурных универсалий. В этом случае мы сопоставляем универсалии, образуя из них некоторые пары, и поиск совместных ценностей приводит к ценностям, рассматриваемым и как ценности каждой из культур, и как совместные ценности. Вышеприведенный пример с этой точки зрения можно интерпретировать в рамках пар универсалий, если сопоставить «колдовской силе» определенные генетические свойства. Тогда исчезновение или возникновение колдунов в клане *азанда* зависит от генных мутаций и как следствие, не все члены первых кланов, и с нашей, европейской, точки зрения, обязательно были колдунами. И с позиции *азанда*, и с нашей позиции общее понятие колдовской силы имеет свой смысл, несмотря на логическое противоречие.

Еще один вариант стратегии кросс-культурного диалога возникает также при сопоставлении культурных универсалий, но теперь это сопоставление имеет более развернутый характер. В этом случае принимая то или иное сопоставление разнокультурных универсалий, мы обязаны также принимать и выводы, полученные на основе подобного сопоставления. То есть, если в рамках кросс-культурного диалога мы сопоставляем с понятием одной культуры понятие другой, то вытекающие из этого последствия в рамках второй культуры должны быть осмыслены в рамках первой. И не только осмыслены, но и приняты – обратный «перевод» должен сработать.

Так, в диалоге с представителем рабовладельческой культуры понятию полноправного гражданина будет соответствовать понятие *свободного* гражданина, владеющего рабами. Свободный гражданин рабовладельческого общества обладает определенными правами, например, он может продать или убить своего раба, и это право всеобщее. Тогда при обратном «перевод» современный европеец может сопоставить это право с правом рабовладельца древнегреческого полиса и признать на этом основании справедливость подобного права, поскольку оно отвечает законам именно древнегреческого полиса. В дальнейшем развитии диалога подобная аналогия позволяет если не признавать, то понимать и терпеть культурные отличия коммуникантов.

Наконец, четвертый вариант связан со всеобщим одобрением сопоставления тех или иных культурных универсалий другим коммуникантом.

Так, если вы говорите о праве национальных меньшинств на автономию, то граждане некоторых стран (даже европейских) не будут согласны с вами, не считая это право повсеместным. В этом случае ваше формирование набора культурных универсалий для кросс-культурного диалога должно учитывать это обстоятельство, и вы должны использовать только те культурные универсалии, которые приемлемы для вашего партнера по диалогу. Прийти к согласию по вопросам автономии тогда, по-видимому, можно лишь на основе учета и анализа аргументов, носящих конкретно-исторический характер, и особенностей мировоззрения партнеров по диалогу.

Таким образом, стратегический подход к диалогу культур, предполагающему толерантность, равноправное партнерство и уважение к культурным традициям, ориентированный на поиск ценностей, обеспечивающих выход из глобальных цивилизационных кризисов, позволяет выработать определенные теоретические макростратегии, пригодные в силу своей универсальности для использования в разнообразных контекстах и ситуациях кросс-культурного диалога.

Список литературы

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. *Бек, У.* Что такое глобализация? / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 296 с.
3. *Васюков, В. Л.* Феномен толерантности: философский анализ основных интерпретаций / В. Л. Васюков // Философия и социальные науки. – 2016. – №4. – С.16–20.
4. *Степин, В.С.* Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.